

НИКОЛАЙ СВАНИДЗЕ

ПОГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ. НАША ИСТОРИЯ

1965 - 1993

ПОХМЕЛЬЕ

МАРИНА СВАНИДЗЕ

История России. Хроники

Николай Сванидзе

**Погибель Империи. Наша
история 1965–1993. Похмелье**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 94(470)"1965/93"
ББК 63.3(2)6

Сванидзе Н. К.

Погибель Империи. Наша история 1965–1993. Похмелье /
Н. К. Сванидзе — «Издательство АСТ», 2019 — (История России.
Хроники)

ISBN 978-5-17-119826-8

История российского и советского XX века переписывалась многократно. И прошлыми поколениями, и уже на наших глазах. Отрезок советской истории, начавшийся с приходом к власти Брежнева, хочется сравнить с пенсией в жизни человека. Все течёт само по себе, все поглощены собой, своими простыми запросами, есть время и книжки почитать, и в кино сходить, на работе никто не напрягается, к очередям за всем подряд привыкли, но сыты. Такой спокойной жизни никогда не было. О будущем никто не задумывается. И нет никаких предчувствий, что это сонное время оборвется. Все изменится вдруг. Окажется, что есть политика, что наше прошлое от нас скрывали, что мы недовольны своей жизнью и хотим перемен. Но мы не знаем и не понимаем, как дорого и долго предстоит расплачиваться за наши заблуждения в XX веке. В книге представлены документальные свидетельства эпохи: фрагменты дневников, воспоминаний, писем и интервью действующих лиц.

УДК 94(470)"1965/93"

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-17-119826-8

© Сванидзе Н. К., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1965	6
1966	16
1967	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николай Сванидзе, Марина Сванидзе Погибель Империи: Наша история 1965–1993. Похмелье

© Николай Сванидзе, Марина Сванидзе, текст, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

1965

В 1965 году 9 мая исполняется 20 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне. В 65-м году названы новые цифры погибших в войне – 20 миллионов человек. При Сталине говорилось о семи миллионах.

Впервые, спустя 20 лет, проходит Парад и несут Знамя Победы. Учреждено звание «Город-герой». Только через 20 лет после войны официально начинается поиск и захоронение ранее не погребенных солдат. Через 20 лет после Победы, в 65-м, 9 мая впервые объявляют выходным днем. То есть только в 65-м День Победы делают официальным праздником.

До 65-го года День Победы был почти что подпольным праздником в СССР.

До 65-го года не было легендарных встреч фронтовиков.

Вот они, все в орденах, теперь впервые начинают собираться в сквере у Большого театра, в Парке культуры. Те, кто прошел фронт и выжил, в 65-м году совсем не стары. Тем, кого призвали в середине войны, в 65-м вообще еще только сорок.

Надо сказать, что СССР в год двадцатилетия Победы вообще молодая страна. Во-первых, потому что миллионы погибших на войне не успели стать стариками. Пенсионерами не стали и сотни тысяч погибших в сталинских лагерях. Во-вторых, страна молодая, потому что после войны была очень высокая рождаемость, что естественно: мужчины, которых так ждали всю войну, вернулись домой.

К 65-му году мы подходим с минимальными показателями по смертности среди мужчин. Продолжительность жизни мужчин максимальная за все советские годы. 68 лет. Мы уступаем американцам всего 2,3 года. Но 65-й год рубежный. Именно 65-й год открывает тенденцию, которая будет нарастать все последующие годы двадцатого века.

Начинается неуклонное снижение продолжительности жизни и рост смертности мужчин трудоспособного возраста. Физиологические проблемы здесь не главные.

К середине 60-х годов, без малого за 50 лет советской власти, нация исчерпала ресурс веры в сытое будущее и утратила способность к героическому труду без материальной отдачи. Эффект послевоенной, победной эйфории к 68-му году также сошел на нет. Усталость от повседневных забот берет верх. Политические лозунги не вызывают ничего, кроме безразличия.

Обещание Хрущева, что именно это поколение будет жить при коммунизме, прозвучавшее четыре года назад на XXII съезде, не вызывает ничего, кроме горьких насмешек. Продуктов в магазинах не прибавилось, а цены на масло, молоко и мясо выросли на следующий год после XXII съезда. Тогда, в 62-м, повышение цен в ряде городов обернулось массовыми волнениями. В Новочеркасске демонстрация рабочих подавлена силами армии. Сотни раненых. Двадцать три убитых. Вышедшие на демонстрацию требовали тогда повышения зарплаты и продуктов в магазинах. Председатель правительства СССР Алексей Косыгин на следующий день после новочеркасского расстрела говорит по телефону с министром торговли. Косыгин требует срочной поставки продуктов во взбунтовавшийся Новочеркасск. Вспоминает свидетель того телефонного разговора помощник Косыгина Юрий Фирсов:

«Косыгин говорит министру торговли: «Вы не понимаете, что нельзя сейчас в Новочеркасске оставить пустыми прилавки. Подкиньте какую-нибудь там бакалею всем этим дуракам».

Скорее всего, Косыгин думает: «Господи, куда вас понесло на демонстрацию. Что толку от этого. Вам никто ничего не даст. Ни прибавки к зарплате, ни продуктов. Нечего дать. И «взять неоткуда. Вот, может только бакалею какую-нибудь».

С мясом катастрофа. Государственные закупочные цены давно не покрывают расходов на производство мяса. У Косыгина, отвечающего за советскую экономику, нет источников дополнительного финансирования. Колхозная система неприкосновенна. Решено идти на повышение розничных цен. Повышение цен означает конец тем надеждам, которые были долгим следствием Победы. Так страшна была война и так велика победа, что ее эффект работал двадцать лет. Потом, ничем не подкрепленный, кончился. На самый хвост этого затухающего эффекта приходится попытка реанимации советской экономики, предпринятая Косыгиным в 65-м году. В сельском хозяйстве реформу начинают после мартовского Пленума ЦК. В промышленности – после сентябрьского Пленума. Еще до всех пленумов 12 февраля 65-го года журнал Time публикует на своей обложке фотографию советского экономиста профессора Харьковского университета Евсея Либермана. Он – консультант Косыгина. В прошлом, в 37-м, был арестован по доносу коллег по Харьковскому инженерно-экономическому институту. Обвинен в шпионаже. У его жены брат за границей. Ее брат – знаменитый пианист Владимир Горовиц. Соседям по камере профессор Либерман пересказывает «Трех мушкетеров». Чудом освобожден в период некоторого спада сталинских репрессий. Счастливая биография, по сталинским временам. В 62-м году, 9 сентября, в газете «Правда» опубликована статья Либермана под заголовком «План, прибыль, премия».

Идея в том, чтобы в советскую плановую экономику ввести рыночные элементы. В 65-м на обложке журнала Time над портретом Либермана советская реформа будет анонсирована под заголовком «Коммунистический флирт с прибылью». Косыгин полагает, что реформа перерастет в нечто большее, чем флирт.

Косыгина нашел Сталин.

Косыгин в 35-м заканчивает учебу в Ленинградском текстильном институте. На последнем курсе работает мастером на текстильной фабрике имени Желябова. Здесь следует уточнить, что Желябов, именем которого названа текстильная фабрика, вовсе не художник по тканям и не технолог легкой промышленности. Желябов – технолог совсем в другой сфере. Он в 1881 году делал бомбы, он бомбист и организатор убийства императора Александра II. Он – террорист. В 1937-м, в год начала Большого террора, Косыгин назначен директором фабрики имени Желябова.

В 38-м его выдвигают на освобожденную партийную работу – заведующим промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП(б). На этой должности он всего два с половиной месяца, и это его последняя партийная должность. В том же 38-м Косыгин избран председателем исполкома Ленсовета.

То есть Косыгин становится мэром Ленинграда. Предшественник Косыгина на этом посту передает ему дела в течение одного дня. Сидят до ночи. Оба знают, что больше времени не будет. Предшественник Косыгина Петровский арестован через два дня. Расстрелян.

Косыгин встраивается в ряды ленинградского руководства. Ленинградский обком возглавляет Жданов, поставленный после убийства Кирова. На Ленинградский горком поставлен Кузнецов, сделавший карьеру в годы репрессий. То есть новое руководство Ленинграда полностью сталинское. Сталин отбирал этих людей лично.

Через год, в 39-м, Косыгин назначен наркомом текстильной промышленности. А весной сорокового – еще один карьерный рывок. Он – заместитель председателя Совнаркома. Говоря сегодняшним языком, Косыгин – вице-премьер.

На самом деле этого взлета легко могло бы не быть. Дело в том, что до поступления в текстильный институт в годы НЭПа Косыгин занимался бизнесом. И не каким-нибудь, а золотодобычей в Сибири. Собственно, к занятиям бизнесом Косыгина готовил еще его отец. Отец – до революции высококвалифицированный рабочий на минно-торпедном заводе «Леснер» в Петрограде.

У него приличный доход, так что у его сына Алексея есть любимый шоколад «Жорж Борман». Отец Косыгина всю жизнь, с 1910 года, проживает на одном месте, в доме 1/20 на Малой Вульфовой улице, потом ставшей улицей Котовского. В Москву переезжать не захочет. Очень независим. Когда уйдет с завода, будет у себя в доме работать дворником.

Старшего сына до революции выучил в гимназии, младшего, Алексея, в Петроградском коммерческом училище.

Потом рядом со зданием училища появится «Аврора». Косыгин всю жизнь с удовольствием вспоминает свою дореволюционную жизнь. Высокое качество товаров, отменное обслуживание в магазинах. Вспоминает очень недорогой «шведский стол» в вокзальном ресторане в Финляндии, куда ездил с приятелями. Вспоминает кондитерскую «Норд» на Невском.

После революции Косыгин в 15 лет пойдет в армию, но в армии, в отличие от многих других, не останется. Уход из армии может быть связан с впечатлениями от Гражданской войны. Может быть, он просто намерен продолжить образование. Он заканчивает в Петрограде кооперативный техникум. И уезжает в Сибирь, где создает одну из первых совместных с англичанами концессий по добыче золота. Компания будет называться «Лена Голдфилд». Открывает магазины английских и американских товаров. Это разгар НЭПа. Косыгин увлечен идеей создания в Сибири системы потребительской кооперации. Система должна быть эффективна и прибыльна, т. е. давать продукцию людям и приносить прибыль производителям. Косыгина знают в Новосибирске. Он много ездит, общается, налаживает отношения с иностранными партнерами с сибирскими крестьянами. Революция еще, по сути, не коснулась Сибири. Люди работают, зарабатывают, живут расчетливо, деньги вкладывают в дело.

И тут НЭП, т. е. относительная экономическая свобода, заканчивается. Начинаются сталинская индустриализация и коллективизация. Их приводной ремень – репрессии. В 30-м году Косыгин и ряд кооператоров едут на встречу с секретарем Западно-Сибирского крайкома ВПК (б) Эйхе. Главная цель поездки – понять, каковы перспективы.

Косыгин вспоминает: «Эйхе сказал: «Я сам, ребята, ни хрена не понимаю. Советую – уезжайте учиться». Косыгин, не раздумывая, бросает успешную предпринимательскую деятельность, налаженную обеспеченную жизнь, дом и уезжает в Ленинград. Он трезво оценивает опасность и не медлит, чтобы спасти свою семью и себя.

Он женился в Сибири. На Клавдии Андреевне Кривошеиной. Яркой. С трезвым критическим складом ума. С чутьем на людей. В Москве она потом закончит Промышленную академию машиностроения. Выучит немецкий и французский, чем Косыгин будет гордиться. В 47-м Сталин пригласит Косыгина с женой к себе на ужин в Ливадийский дворец. Сталин в беседе за столом спросит Клавдию Андреевну, как она представляет себе роль жены. Клавдия Андреевна, прежде чем ответить, говорит, что была бы признательна своему собеседнику, если бы он сперва высказал свое мнение по этому поводу.

Сталину вежливость дамы, очевидно, понравилась, и он ответил: «Жена – это товарищ, подруга, любовница, хозяйка дома, воспитательница детей». Клавдия Андреевна сказала, что ни в коем случае не отрицает важность этих характеристик. Но, по ее мнению, «жена – это судьба». Сталин в ответ поднимает тост за женщину, которая определила судьбу Косыгина.

Сталин вспомнит 30-е годы, когда по его, сталинской, воле началась быстрая карьера Косыгина. Клавдия Андреевна, в свою очередь, расскажет, что, пока ее муж учился в институте, она работала в Кронштадте в мастерских и семья жила на ее зарплату.

Надо сказать, в 30-м году, вслед за тем как Косыгин бросил бизнес, покинул Сибирь и приехал в Ленинград, он в 26 лет делает еще один на редкость точный шаг.

Ему тогда по роду его прошлых занятий было выделено место на факультете потребительской кооперации. Казалось бы, прямо его профиль. Но Косыгин выбирает совершенно другую специальность. Он становится инженером-текстильщиком. Он демонстративно рвет все

связи с прошлым. Он делает все, что в его силах, чтобы спастись. Это политически выверенное решение. Очень четкое, без романтики, понимание политических реалий.

При этом он определенно хочет заниматься экономикой, а не партийной деятельностью. Очень быстро выяснится, насколько точным был его шаг при выборе специальности. Уже в начале 30-х факультет потребительской кооперации, куда не пошел Косыгин, будет разгромлен. После института до должности зампреда правительства Косыгин поднимается за пять лет. Как зампред он курирует производство товаров народного потребления. Сфера у Сталина непопулярная.

Потом была война. О войне с Косыгиным разговаривал Даниил Гранин, когда они вместе с Алесем Адамовичем готовили «Блокадную книгу». Косыгин в 41-м, в августе, летит в Ленинград в составе комиссии, в которой и Молотов, и Маленков, и Берия. Летят до Череповца. Дальше – паровоз с вагоном. Попадают под бомбежку. Прячутся в грязи в кювете. Пути разбиты. Косыгин говорит наркому военно-морских сил Кузнецову: «Пойдем, посмотрим, что впереди». Стоит состав. Часовые. Косыгин к ним: что за эшелон? Часовые в ответ матом. Косыгин потребовал командира. Тот явился. Извинился. Связались с Ленинградом. Прислали бронепоезд.

В 41-м Косыгин занимается эвакуацией предприятий на восток. Спустя 30 с лишним лет Косыгин помнит множество фамилий, цифр, количество машин. У него редкая память. Он вспоминает Москву в октябре 41-го. Брошенное здание Совнаркома.

Двери распахнуты. Бумаги валяются. Повсюду звонят телефоны. Он бежит из кабинета в кабинет. Берет трубку. Говорит: «Але!» Бежит к другому телефону. Надо, чтобы знали, что в Кремле все работают.

Потом Косыгин говорит о том, как был в Ленинграде зимой 42-го. Он – представитель Государственного Комитета Оборона. Он говорит о Дороге жизни через Ладогу. Ликвидировали заторы, боролись с излишней бюрократией, улаживали столкновения военных и гражданских властей. Из города везут людей, в город – муку, консервы, крупу. Проложили через озеро трубопровод. На складах с продуктами творилось черт знает что. Наводили порядок. Косыгин в своем рассказе сух, но все равно ощущается, что тогда он был сам себе хозяин. Ездит, отбирает оборудование на вывоз. Организует отправку детей.

Вдруг Косыгин спохватывается. Говорит, что все делается совместно с горкомом партии. На вопрос о разногласиях в руководстве города – ответ: никаких разногласий. Но Жданова Косыгин ни разу не упоминает.

Гранин пишет:

«Косыгин вел свой рассказ, умело оглядев запретные места, искусно сворачивая. <...> По обеим сторонам его памяти тянулись запертые, опечатанные двери. Голова его хранила огромные материалы о блокаде, о войне. Расскажи, чего же ждать? Тем более что творили вы нашу историю, нашу судьбу безгласно, решали при закрытых дверях, никому не открывались в своих сомнениях и ошибках <...> Люди стали так немо, словно виновато, уходить из жизни».

Гранин спрашивает Косыгина о выборе во время эвакуации. О выборе между вывозом населения и вывозом оборудования. Между умирающими и станками. Гранин спрашивает о сложнейшем выборе: кому помогать – фронтовикам танками, самолетами или самим ленинградцам. Косыгин отвечает: «И людей вывозили, и оборудование».

Гранин упорствует. Хотя знает, что в том-то и мука была, что Косыгину нельзя было выбирать. С него требовали обеспечивать заводы. И ради этого идти на все. Но надо было и горожан вывозить, каждый день умирали тысячи. Гранин хочет услышать хоть слово о мучи-

тельности этого положения, хоть слово горечи. Нет, ни слова. Косыгин продолжает говорить о деле. Об этом он может рассказывать сколько угодно.

Разговор Гранина с Косыгиным происходит в 1978 году в его кабинете Председателя Совета Министров СССР. Это бывший кабинет Сталина. Косыгин сам подсказывает: «Да это же кабинет Сталина».

Гранин в ответ с чувством протянул: «М-да-а». Гранин пишет: «Косыгин бросил на меня взгляд, линиялые его глазки похолодели».

Гранин пишет: «Господи, хоть бы что-нибудь сменил в этом кабинете. Старый, сильный, умный человек, который имеет огромную власть, и так зажат». Вопрос Гранина о Сталине в первый период войны Косыгин прерывает:

«О Сталине лучше не будем».

Зять Косыгина академик Гвишиани вспоминает:

«Привычка скрывать свои мысли и чувства, приобретенная за годы сталинской службы, осталась у Косыгина навсегда».

Хотя исключения были. Косыгин рассказывает Гранину, что 1942 год встречал с председателем Ленгорисполкома Попковым и с первым замом Сталина в Совнаркоме Вознесенским. Косыгин говорит: решили посмотреть какую-нибудь комедию. Во время просмотра звонит Сталин, вызывает к себе Косыгина, но сначала подробнее спрашивает, как именно они трое оказались вместе, как сговаривались.

Гранин спрашивает Косыгина: «А что, Сталин интересовался, как, кто, с кем и почему встречается?» И тут Косыгин ударяет кулаком по столу:

«Не вам судить о Сталине».

В 51-м году Вознесенский и Попков, с которыми Косыгин смотрел кино в 42-м году, а также его бывший коллега по Ленинграду, а в 51-м секретарь ЦК ВКП (б) Кузнецов, а также председатель Совмина РСФСР Родионов и второй секретарь Ленинградского горкома Капустин будут расстреляны по так называемому «ленинградскому делу», которое идет в череду сталинских послевоенных репрессий. Под пытками арестованные по «ленинградскому делу» дают показания на Косыгина. Косыгину, как и другим членам Политбюро, каждый день кладут на стол копии допросов. Косыгин каждый раз пишет обстоятельные письма Сталину. Усугубляет дело то, что Косыгин по линии жены приходится дальним родственником Кузнецову.

Жена Косыгина Клавдия Андреевна после ареста Кузнецова скажет дочери: «Случилась большая гадость – Алексея Александровича арестовали». Косыгин скажет мужу дочери: «Знаешь что, давай соберем, что у нас есть. И выбросим. Всякое может быть». Косыгин имеет в виду два пистолета, которые были в доме. Под видом рыбалки на даче Косыгин с зятем сядут в лодку и утопят оружие.

В 52-м, следующем после «ленинградского дела» году, Косыгина выводят из членов Политбюро. Его избирают только кандидатом в члены Президиума ЦК, который заменил собой Политбюро.

Однако вскоре на одном из совещаний к Косыгину подходит Сталин и произносит: «Ну, как ты, Косыга? Ничего. Ничего, еще поработаешь».

Сталинский ближний круг относится к Косыгину с ревнивым злопамятством. В 47-м Косыгин в какой-то момент оказался в особой зоне сталинского внимания. В 47-м в газетах – фотографии: Сталин и Косыгин с офицерами и матросами крейсера «Молотов». Жена Косыгина скажет тогда ему: «Знаешь, они тебе этого приближения не простят». Тогда же, в 47-м, Сталин доверил Косыгину разработку и проведение денежной реформы. Косыгин эффективен, безусловно предан. Создается ощущение, что Сталин обкатывает Косыгина неспроста. Может быть, Сталин видит в нем будущего премьера.

Косыгин тверд, занят делом без интриги, но и без сантиментов.

В апреле 46-го министр электростанций Жимерин докладывает Косыгину, что «организация зон лагерей на строительстве электростанций задерживается из-за отсутствия колючей проволоки».

Министр просит зампреда правительства дать указание Главному управлению инженерных войск отпустить Главгидроэнергострою 100 тонн колючей проволоки. Проволока для лагерей по косыгинскому указанию отпущена. Через три месяца министр Жимерин обращается к Косыгину с просьбой оказать содействие в увеличении численности заключенных, т. е. рабочей силы для строительства.

На записке министра Косыгин ставит резолюцию: «Министру внутренних дел т. Круглову. Прошу вас учесть просьбу т. Жимерина в части увеличения рабочей силы и по возможности удовлетворить. Второй агрегат Нижне-Свирской гидроэлектростанции необходимо пустить в эксплуатацию в установленный срок».

И вот так организованная экономика переходит по наследству к Косыгину после смерти Сталина и после отставки Хрущева. При Брежневе Косыгин становится премьер-министром.

Косыгин как глава правительства в полном объеме пожинает плоды сталинской экономической системы.

Индустриализация не ставила своей задачей и не дала развития промышленности во всем комплексе. Только тяжелая промышленность. Главное – военная промышленность. Главный инструмент индустриализации – принуждение. Политическая система обеспечивает это принуждение в форме дарового труда заключенных и в форме повсеместных уравнилельно низких зарплат для тех, кто на свободе. Эта система принуждения позволяет государству оставлять в своем распоряжении максимальную часть заработанного народного дохода. Эти средства идут на закупку за границей оборудования для военно-промышленного комплекса. Но их недостаточно. Параллельно идет раскулачивание и коллективизация в деревне. Раскулачивание – источник даровой рабочей силы. Коллективизация – удобный способ принудительного изъятия зерна и рабочей силы. Зерно идет на экспорт. Люди из деревни – на гуглаговские стройки. Спровоцированный изъятием зерна голод не останавливает разграбление деревни. Нищие колхозы не в состоянии прокормить города и стройки. Страна живет по карточкам. Но индустриализация продолжается. Массовый террор и бодрая пропагандистская установка на скорую победоносную войну не оставляют сомнений в правильности курса. Культ Сталина намертво скрепляет эту экономическую конструкцию. Если отвлечься от варварских способов индустриализации, если забыть о том, что населению дают совсем мало, а государство берет так много, как и в условиях военного положения, то цифры экономического роста действительно поражают. По официальным статистическим данным, экономический рост за 38-40-й годы – 16,8 % в год. По более реалистическим подсчетам – 10 % в год, что также очень много.

Картину достижений сталинской экономики завершает советская атомная бомба. Черчиллю даже припишут никогда им не произносимую фразу: «Сталин взял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Ни одна строка Пушкина не будет усвоена, впитана массовым сознанием так, так как этот тезис. Между тем для советской экономики он звучит сомнительным комплиментом. Бомбой сыт не будешь. Бомба-то есть, а пахать смысла нет. Не говоря уже о том, чтобы черпать ресурсы в сельском хозяйстве, торговать ими и вкладываться в промышленность. Источник варварской индустриализации исчерпан. За мировой научно-технической революцией катастрофически не успеваем. Все, что есть, по-прежнему сосредоточено в военно-промышленном комплексе.

К тому же, как только Сталин умирает, начинается исход людей из деревни в город. В 65-м году у нас в деревне людей вдвое меньше, чем в 29-м, до коллективизации, когда Россия еще была с сохой. Колхозы убыточны. При Сталине о дотациях сельскому хозяйству вообще речи не было. Все шло в ВПК. Теперь и рады бы дотировать, да нечем. Приходится поднимать

цены на продукты. Массовое недовольство выплескивается наружу. Экономика, отстроенная Сталиным, создает угрозу самому режиму.

Экономическая наука и исторический опыт говорят о том, что изъятие и отправка материальных и людских ресурсов из деревни в город обеспечивает экономический рост в тяжелой промышленности не более чем в течение 40 лет. Дальше следует расплата. Начинается неминуемый спад.

Вот такую экономику и получает в наследство премьер Косыгин.

Сельское хозяйство было экономическим приоритетом хрущевского правления. Однако, несмотря на постоянное пристальное внимание первого лица, результатов нет. Сын Хрущева Сергей вспоминает: «Отец не понимал, что же он делает не так. Нервничал, сердился, бранился. Возможно, где-то в глубине души, в подсознании, он начинал понимать, что проблема – в самой системе, однако изменить своим убеждениям не мог».

В 63-м в Кремле всерьез обдумывают введение продуктовых карточек. Советская экономика делает опасной политическую ситуацию в СССР. Косыгин поддерживает идею смещения Хрущева. Брежнев обсуждает этот вопрос с Косыгиным еще в феврале 64-го, за восемь месяцев до того, как Хрущев был отправлен в отставку. Вспоминает внук Косыгина Алексей: «Хорошо помню, как к деду на дачу в Архангельское приехали Брежнев с женой. После ужина бабушка с Викторией Петровной остались пить чай в гостиной, а дед с Леонидом Ильичом отправились на прогулку. Думаю, что тогда и был впервые поставлен перед дедом этот вопрос». Именно Косыгин перед переворотом проводит разговор с министром обороны Малиновским и заручается его поддержкой.

Косыгин выступает на Президиуме ЦК. Косыгин говорит: «При решении вопроса о Н. С. Хрущеве полумерами ограничиться нельзя». Косыгин обращается к Хрущеву:

«Вы, видимо, с нами не согласитесь. Но вас нужно освободить от всех постов».

Косыгин заявляет, что надо разделить посты Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совмина, которые совмещал Хрущев. В этот же день на Пленуме ЦК Первым секретарем избран Брежнев, Косыгин становится Председателем Совета Министров СССР.

В 65-м, после смещения автора политической оттепели Хрущева, экономист Косыгин дает надежду на оттепель в экономике. Начинается недолгая косыгинская экономическая реформа.

В 70-х, когда реформа давно уже будет свернута, Косыгин, сидя осенью на даче в Паланге, прокручивает в голове – чего же он хотел и почему ничего не вышло.

Итак. Всю жизнь главным советским экономическим показателем был вал. Вопрос – есть спрос на продукцию, нет – предприятие не интересовал. Он, Косыгин, из дореволюционного небытия или своего нэповского прошлого извлек такое понятие, как прибыль.

Оплата труда должна зависеть от прибыли предприятия, т. е. рабочие и управленцы материально заинтересованы в том, чтобы предприятие, где они работают, было успешно.

Исходя из прибыли создается фонд накоплений. Часть идет на повышение зарплаты или премии. А другая часть прибыли после уплаты налогов идет на развитие производства. Если эти средства просчитать с банковским кредитом, то бюджет в будущем освободится от раздачи безвозмездных ассигнований предприятиям, чем было принято заниматься долгие советские годы.

Он рассчитывал, что со временем, раскрутившись, предприятия будут сами вкладываться в расширение производства и страна наконец-то будет жить по средствам.

Косыгин вспоминает, как в 61-м году, принимая зампреда правительства Чехословакии Шимунека в своем, а в прошлом – в сталинском кабинете, сказал: «Видите, в каких кабинетах

и под какими люстрами мы сидим. А ведь мы уже давно живем не по средствам. Так можно далеко зайти».

Однако предложенная Косыгиным реформа в случае успеха способна также далеко завести. Косыгинская реформа, по сути, в перспективе меняет отношения между государством и экономикой, а это уже ломка всей системы.

Системный человек, Косыгин не ставил такие задачи. Это – во-первых. Во-вторых, советская бюрократическая система способна провалить любую реформу.

Косыгин часто уезжает и запирается на даче в Паланге. Прибалтика пользуется популярностью у советского руководства. Глава МГК Гришин тоже будет отдыхать в Паланге. У Андропова – строится дача в Эстонии.

Андропов поставлен на КГБ в 67-м. Вместо Семичастного. История замены Семичастного на Андропова в определенном смысле связана с Косыгиным.

Осенью 66-го к Косыгину приходит дочь Сталина Светлана Аллилуева с просьбой о выезде в Индию, в связи со смертью ее индийского мужа. Этот вопрос Косыгин никак не мог решить, не посоветовавшись с Брежневым. Он советуется. Брежнев говорит: «Черт с ней, пускай едет». И Косыгин дает Светлане Аллилуевой разрешение на отъезд.

В следующем году она уезжает в США, где выпускает книгу с критикой сталинизма и послесталинского периода. Вот после этого глава КГБ Семичастный и заменен на Андропова.

Косыгин в Паланге без охраны гуляет по пирсу. Стоило ли затевать реформу? Но ведь ситуация была невозможная.

Производитель продукции и ее заказчик не могут выбирать друг друга. Даже если они соприкасаются заборами. Попытка установить естественные горизонтальные экономические связи сводится на нет, потому что все должно быть утверждено наверху.

А дать «добро» рискованно, потому что план никто не отменял. А министерства, в свою очередь, должны отчитываться перед ЦК партии.

Он, Косыгин, решился тогда на невероятный шаг. Он начал борьбу за отмену отраслевых отделов ЦК КПСС. То есть за устранение партийного контроля над экономикой. Он не ставил перед собой политических задач. Просто экономика иначе отказывается работать.

Косыгин настаивает. Грозит отставкой. Предлагает оставить под контролем ЦК только Военно-промышленный комплекс. На самом деле Косыгин предлагает компромиссный вариант. Дело в том, что ВПК Косыгин никогда не контролировал. Этим занимается Устинов. Устинов с 65-го года – секретарь ЦК по оборонным вопросам. Устинов – один из ближайших людей к Брежневу, который сам ранее курировал ВПК. Устинов всегда выигрывает у Косыгина при дележке бюджетных средств. Теперь Косыгин предлагает выпустить из-под партийного контроля и так нелюбимые гражданские отрасли экономики. Идея Косыгина не проходит. Вместо этого обсуждается вопрос о замене Косыгина на Устинова.

Здесь, в Литве, на косыгинской даче, пустой пляж один в один, как в фильме «Мужчина и женщина», который неожиданно выпустили на советские экраны как раз в то время, когда его, косыгинская, экономическая оттепель была в разгаре.

Тогда он был почти уверен, что сломает ситуацию.

Вертикальная система управления, выстроенная в тридцатые годы, под силовую сталинскую индустриализацию, не принимала никакой инициативы снизу. Но и сама не работала.

Темпы экономического роста в СССР падают, в то время как экономика США на подъеме. Советская экономика затратна и разбалансирована. Все, кроме ВПК, лишено новой техники и технологий. А значит, население не обеспечить необходимыми товарами.

Но партийное чиновничество не видит в реформе ничего, кроме хлопот. Это воспитанная всем прежним временем привычка не высовываться. Но ведь и он, Косыгин, из того же времени. Он тоже не хочет резких шагов. Плановое хозяйство сохраняется. Он просто считает, что плановых показателей должно быть меньше. Всего пять – в соответствии с его рефор-

мой. Но с каждым годом их число опять увеличивается. Опять сверху давят на предприятия. К концу 70-х плановых показателей будет уже полторы тысячи. И ничего от его замыслов не осталось. Как песок сквозь пальцы.

И по-прежнему всем всего не хватает. Министерства из кожи вон лезут, чтобы вытянуть план по отрасли в целом. Но по многим показателям план вовсе не выполнен и заказчики ничего не получают. И ничего не производят.

Он, Косыгин, хотел, чтобы в случае невыполнения обязательств вводились финансовые санкции. Но директора не хотят никакой ответственности. И они ищут и находят поддержку в ЦК, а иногда у самого Брежнева. И вообще, ход его, косыгинской, реформы обнаружил, что директора советских предприятий в массе своей не склонны к самостоятельности. Им привычней и спокойней работать в старых условиях.

Но ведь даже принятые полумеры дали краткосрочный импульс экономике. Годы с 66-го по 71-й – самые успешные за весь советский послевоенный период.

Здесь, на даче, он один часто катается на велосипеде. Фильм «Мужчина и женщина» он посмотрел гораздо позже.

В 67-м у него вряд ли хватило бы сил на этот фильм. 1 мая 1967 года утром в Москве, в Кунцевской больнице, умирает его жена. Они прожили вместе 40 лет. Он очень любил ее. Когда она умирает, он стоит на трибуне Мавзолея и машет рукой людям, идущим в колоннах демонстрации.

А потом – события в Чехословакии. Весна 68-го года в Чехословакии демонстрирует, насколько экономика связана с политикой. Из рабочего блокнота Косыгина:

«В Чехословакии новое явление – переход от социализма к неокapитализму. Мы очень поверхностно подходим к понятию «контрреволюция». Процесс перехода происходит в неклассическом виде».

Из выступления Косыгина на советско-чехословацких переговорах 23 августа 1968 года:

«Мы не можем терпеть, чтобы Чехословакия встала на путь капитализма».

Косыгин, автор реформы, которая именно в Чехословакии получила развитие, голосует за ввод войск в Чехословакию.

Поздней осенью 68-го, после ввода советских войск, Косыгин звонит по телефону чехословацкому премьеру Чернику и приглашает на недельку отдохнуть.

Косыгин ежедневно встречается с ним на одной из правительственных дач. Черник вспоминает: «Косыгина больше всего интересовали экономические реформы. Косыгин говорил: идеологи мешают сдвинуть воз экономики с места».

В 71-м году беседует со следующим чехословацким премьером Штроугалом.

Штроугал вспоминает:

«Мы были с ним с глазу на глаз. И Косыгин, такой, казалось мне, сдержанный человек, вдруг горько сказал: «Ничего не осталось. Все рухнуло. Все работы остановлены. А реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят. И я уже ничего не жду».

События в Чехословакии – несомненная политическая причина прекращения реформ в СССР.

Но дело не только в политических страхах советского руководства. Дело в том, что советское руководство получает неожиданную возможность не думать о модернизации экономики. Вследствие взлета мировых цен начинается торговля нефтью и газом. Кроме этого, в экономике страны последующие четверть века ничего не происходит.

В 70-е годы Косыгин иногда заходит в тоскливый советский магазин, после чего подписывает документы на импорт потребительских товаров, которые не производит советская промышленность, и говорит министру внешней торговли Патоличеву: «Вы там включите что-нибудь для ассортимента».

Если Косыгин встречает где-нибудь что-нибудь разумно организованное, он говорит: «Настоящий Мюр-Мерилиз». Мюр-Мерилиз – московский универсальный магазин, один из лучших универсальных магазинов в дореволюционной России.

1966

В 1966 году, весной, Брежнев избирают Генеральным секретарем ЦК КПСС.

До этого с момента смещения Хрущева на октябрьском Пленуме 64-го года Брежнев был первым секретарем.

Поздней осенью 66-го года, после двух лет у власти, на заседании Политбюро Брежнев впервые высказывается по идеологическим вопросам. Он говорит:

«За последние десять лет, предшествующие октябрьскому Пленуму (т. е. за хрущевский период, но имени Хрущева Брежнев не произносит), в идеологической области было допущено больше ошибок, чем во всех других областях. Некоторые научные труды, литературные произведения, искусство, кино, да и печать нередко используются, я бы сказал прямо, для развенчания истории нашей партии и нашего народа».

Сухой остаток выступления Брежнева – сталинский период не критиковать, это не патриотично. Говорить только об успехах. Тех, кто не доволен, жестко осаживать.

Секретарь ЦК Суслов поддерживает:

«Вся кампания десталинизации – большая ошибка. Мы разворачивали интеллигенцию».

Секретарь ЦК Шелепин:

«Самое неблагоприятное положение у нас в кино. Мне кажется, у нас в этом деле никакого контроля не существует».

Секретарь ЦК Андропов:

«И в литературе. Вот есть у нас Твардовский – коммунист и Симонов – коммунист. Парторганизации должны спросить с этих деятелей».

Брежнев:

«Нам нужно на новой базе привести в систему историю нашей Родины, нашей партии, историю Отечественной войны».

Только что, в 66-м, запрещена публикация военных дневников Симонова «Сто суток войны». Фильм по второй части симоновского романа «Живые и мертвые» весь изрезан. Симонов снимает свое имя из титров. И это при том, что Симонов не просто официальный советский писатель, а живой классик.

Ко времени брежневского выступления по идеологическим вопросам уже завершён процесс по делу писателей Синявского и Даниэля.

Судебный процесс Синявского и Даниэля начинается 10 февраля 1966 года в здании Московского областного суда. В течение ряда лет Синявский и Даниэль публиковались на Западе под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак.

Пять лет КГБ не мог их вычислить.

Андрей Синявский и Юлий Даниэль обвиняются в том, что их произведения носят анти-советский клеветнический характер.

Обсуждение и уничтожение писателей в СССР не новость. При Сталине погибли сотни писателей. Теперь, в 66-м, Синявский приговорен к семи годам лагерей строгого режима и пяти годам ссылки, а Даниэль к пяти годам лагерей и трем годам ссылки. В УК РСФСР нет статьи, запрещающей советским писателям публиковаться за границей. Но 70-я статья УК,

введенная в 62-м после расстрела рабочей демонстрации в Новочеркасске, позволяет широко толковать понятие антисоветской агитации и пропаганды.

Жесткость приговора Синявскому и Даниэлю в 66-м связана не только с их собственной деятельностью, но говорит о реакции власти на новые явления в жизни страны.

5 декабря 65-го года, в День Конституции, в Москве на Пушкинской площади происходит первая с 1927 года свободная демонстрация. Идея демонстрации принадлежит сыну Есенина – диссиденту Есенину-Вольпину. В демонстрации принимает участие около двухсот человек, в основном студенты. У них плакаты: «Требуем гласного суда над Синявским и Даниэлем» и «Уважайте советскую Конституцию». Демонстрация быстро разогнана. Плакаты разорваны. Полсотни студентов исключены из институтов. Владимир Буковский и десятиклассница Юлия Вишневская арестованы и отправлены в психиатрические клиники. Это начало открытого инакомыслия.

Во время судебного процесса Синявского и Даниэля в их защиту выступает западная интеллигенция, включая известных членов европейских компартий. Кроме того, власть встречает активную негативную реакцию советской интеллигенции. В адрес XXIII съезда КПСС, открывшегося в марте 66-го, поступает письмо, подписанное шестьюдесятью двумя ведущими советскими писателями:

«Процесс над Синявским и Даниэлем причиняет больший вред, чем все ошибки Синявского и Даниэля. Просим выпустить Андрея Синявского и Юлию Даниэля на поруки. Этого требуют интересы нашей страны».

Следуют и еще письма, коллективные и персональные. Письмо в защиту писателей пишет народный артист СССР Ростислав Плятт.

Кроме того, сами обвиняемые не признали себя виновными.

И Андрей Синявский, и Юлий Даниэль на вопрос судьи отвечают:

«Нет, виновным себя не признаю, ни полностью, ни частично».

Из последнего слова Юлия Даниэля:

«Мне говорят: вы оклеветали страну, народ, правительство. Я отвечаю: то, что было во время Сталина, гораздо страшнее того, что написано у меня и у Синявского.

Нам говорят: признайте, что ваши произведения клеветнические. По мы не можем этого сказать, мы писали то, что соответствовало нашим представлениям о том, что происходило при Сталине».

По времени с процессом по делу писателей совпадает письмо двадцати пяти крупнейших деятелей науки и культуры, которые выступают против реабилитации Сталина. Под этим письмом Брежневу стоят подписи академиков Капицы, Арцимовича, Тамма, Сахарова. Подписи Плисецкой, Ефремова, Смоктуновского, Ромма, Товстоногова.

В университетах, научных институтах проходят встречи с публицистами и писателями, настроенными антисталински. В их числе Солженицын. В военных академиях выступает отсидевший в лагерях старый большевик Снегов. В 56-м Хрущев намеревался дать ему слово на XX съезде. Но не решился. Теперь, в 66-м, Снегов говорит о сталинских преступлениях. Сулов про Снегова говорит Брежневу: «Вот бродит этот шантажист Снегов. У нас очень слабый контроль». Брежнев реагирует: «А на самом деле. Почему этому не положить конец?» Еще до суда над Синявским и Даниэлем лауреат Нобелевской премии, французский писатель Франсуа Мориак в газете «Фигаро» написал: «Если есть братство лауреатов Нобелевской премии, я умоляю своего собрата Шолохова ходатайствовать за Синявского и Даниэля». Михаил Шолохов выступит по поводу осужденных писателей. Он сделает это на XXIII съезде. Нобелевский лауреат по литературе выйдет на трибуну и произнесет:

«Мы называем нашу советскую родину матерью. Как же мы можем реагировать на поведение предателей, покусившихся на самое дорогое для нас?» Бурные аплодисменты. «Здесь я вижу делегатов от родной советской армии. Как бы они поступили, если бы в их подразделении появились предатели?» Продолжительные аплодисменты. «И еще я думаю об одном. Попадись эти молодчики в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на Уголовный кодекс, ох, не ту меру получили бы эти оборотни!» Бурные аплодисменты.

Шолохову самиздатским открытым письмом в мае 66-го ответит писательница и правозащитница Лидия Чуковская, дочь знаменитого Корнея Чуковского. Самиздат – слово появилось как раз тогда – это распространение в рукописном и машинописном виде статей, стихов, открытых писем и даже романов, которые по цензурным причинам не могут появиться в печати. Лидия Чуковская пишет Шолохову:

«Литература уголовному суду неподсудна. Идеям следует противопоставлять идеи, а не лагеря и тюрьмы. Вот это вы и должны были заявить своим слушателям. За все многовековое существование русской литературы я не могу вспомнить другого писателя, который, подобно Вам, выразил сожаление не о том, что приговор слишком суров, а о том, что он слишком мягок. Ваша позорная речь не будет забыта историей. Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника, – к творческому бесплодию».

Своим выступлением на XXIII съезде Шолохов солидаризируется с наиболее мракобесными личностями, действующими в советской литературе. С такими, как редактор журнала «Октябрь» Кочетов. Враг Твардовского и Солженицына, гонитель «Нового мира», Кочетов сравнивает Синявского с нацистским военным преступником Гессом.

Позицию Кочетова и Шолохова разделяет огромное множество советских людей. В связи с делом Синявского и Даниэля в редакции «Правды» и «Известий» идут десятки тысяч писем с требованием расстрелять арестованных писателей. Сталинские представления, стереотипы по-прежнему крайне сильны в советском обществе. Расклад про- и антисталинских сил в обществе отражает и расклад внутри партийной верхушки. Идея реабилитации Сталина все более захватывает партийную элиту.

На XXIII съезде КПСС, где Шолохов клеймит уже осужденных Синявского и Даниэля, Брежнев избирают Генеральным секретарем ЦК КПСС.

На XXIII съезде с предложением о возврате к должности Генерального секретаря выступает глава Московского горкома партии Егорычев. Зал встречает предложение бурными аплодисментами. Зал с ходу улавливает политический намек. Словосочетание «Генеральный секретарь» связано только с одним именем – с именем Сталина. Тот же Егорычев предлагает вернуться к прежнему названию высшего партийного органа – Политбюро.

Политбюро десятилетиями произносилось с неизменным определением «сталинское Политбюро». Зал рефлексивно голосует за возврат к старой терминологии.

В 66-м Брежнев уже полтора года у власти. С октября 64-го, когда в результате заговора Хрущев был отправлен на пенсию. Брежнев не был организатором антихрущевского заговора. Инициатором был Шелепин. Шелепин с 58-го до 61-го года – глава КГБ, до этого Первый секретарь ЦК ВЛКСМ. После КГБ он становится секретарем ЦК, занимается кадрами. На пост председателя КГБ по рекомендации Шелепина становится Семичастный, также в прошлом секретарь ЦК ВЛКСМ. У Шелепина с Семичастным тесные отношения. Шелепин молод, ему 42 года, и очень амбициозен. Он стремится к власти.

Обсуждение предстоящего переворота чаще всего идет на футболе. Шум, крик на трибунах – лучшая обстановка для конспиративных разговоров. Амбиции Шелепина развивал и поддерживал сам Хрущев. Шелепин представляется Хрущеву тем человеком, которому можно передать власть. В начале 60-х Хрущев предлагает Шелепину возглавить Ленинградский обком, это послужило бы школой и трамплином для дальнейшего карьерного прыжка. Шелепин отказывается. Хрущев не оказывает давления. Шелепин сохраняет пост секретаря ЦК по кадрам, что соответствует тем целям, которые он намечает. Брежнев в начале 60-х назначен Хрущевым Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Для Запада – президент. В СССР это формально высшая государственная должность. Фактическая власть в стране безраздельно принадлежит лидеру партии. Брежнев в 60-м сменяет на посту председателя Президиума Верховного Совета Климента Ворошилова. В 57-м Ворошилов поставил на Молотова и Маленкова во время их вялой попытки сместить Хрущева. Брежнев тогда был на стороне Хрущева. И на Пленуме после резкой реплики Кагановича даже упал в обморок. Хрущев в 57-м выиграл. Молотов и Маленков с политического поля исчезли навсегда. Ворошилова Хрущев тогда не тронул. В 60-м Ворошилова торжественно отправляют на пенсию. Брежневу в этот момент 53 года.

Пост Председателя Президиума Верховного Совета престижен и публичен. Имя и лицо Брежнева появляется в газетах. Брежнев много ездит с визитами за границу. Как формальный глава государства, принимает высоких зарубежных гостей. Все отмечают, что у Брежнева отлично сшитые костюмы. Посол США в СССР Колер говорит: «Должно быть, Брежнев имеет лучшего портного в Москве». Но летом 64-го Хрущев лишает Брежнева представительской должности и вновь делает его секретарем ЦК.

В начале октября 64-го Брежнев присутствует на праздновании 15-летия ГДР. Советский посол приглашает на прием знаменитых и еще не опальных музыкантов Вишневскую и Ростроповича. Вишневская вспоминает:

«Весь вечер я сидела рядом с Брежневым. И он, как любезный кавалер, старался развлечь меня. И вообще был, что называется, в ударе. Щеголял знанием стихов, особенно Есенина. Пил он немного, рассказывал анекдоты, даже стал петь смешные частушки, прищелкивая пятками, руками изображая балалайку. Цокал языком и на вятском наречии пел довольно приятным голосом.

Я его рассматривала тогда без пристрастия, не предполагая, какой пост он займет в государстве».

На следующее утро после ужина в Берлине с Вишневской и Ростроповичем Брежнев едет на охоту. Программа его визита уже исчерпана.

Но он не торопится в Москву. Его начинают разыскивать. Находят. По телефону с ним говорит председатель КГБ Семичастный: «Если вы не приедете, то Пленум состоится без вас. Отсюда делайте вывод». Брежнев срочно вылетает в Москву. Вспоминает член ПБ Воронов: «Перед самым Пленумом меня пригласили поохотиться в Завидово. Когда стали собираться домой, Брежнев пригласил в свою «Чайку», сказал: «Поговорить надо дорогой». С нами ехал еще один секретарь ЦК – Андропов. Он то и дело вынимал из папки какие-то бумажки и показывал их Брежневу. Тот просматривал и возвращал со словами: «Хорошо, теперь он от нас никуда не денется». У меня сложилось впечатление, что дело шло о каком-то компромате, подобранном Андроповым».

К моменту смещения Хрущева Брежнев почти год как находится в контакте с Шелепиным и Семичастным. Точно так же, как Сулов и Косыгин. Шелепин с 62-го года по предложению Хрущева возглавляет еще и Комитет партийного контроля. Кроме того, Хрущев считал нужным сделать Шелепина и зампредом Совета Министров СССР.

К 64-му году шелепинский Комитет партийно-государственного контроля превращается в мощную структуру, которая снизу доверху способна дублировать советские и партийные органы. Шелепинская структура обладает правом проводить расследования и передавать дела в прокуратуру. С марта – апреля 64-го Комитет контролирует вооруженные силы, КГБ и МВД.

Соответствующие комитеты создаются в регионах. 15 республиканских, краевые и областные, 1057 городских и районных, 348 тысяч – по предприятиям, колхозам, совхозам. 270 тысяч постов народного контроля. В них вовлечено 2 миллиона 400 тысяч человек. Шелепин готов к рывку.

Именно Шелепин сделает основной антихрущевский доклад на Президиуме ЦК, предварявшем смещение Хрущева. Первоначально материал предназначался для выступления члена Президиума ЦК Полянского. Доклад готовился в КГБ, прежде всего в экономическом подразделении этого ведомства.

Вероятно, написание доклада для Полянского было просто операцией прикрытия. Может быть, Шелепин и его друг, глава КГБ Семичастный, в последний момент приняли решение о том, что делать доклад будет совсем другой человек. А именно сам Шелепин. В любом случае очевидно, что подготовка такого масштабного доклада потребовала длительного времени. И значит, смещение Хрущева планировалось и обдумывалось давно. Шелепинский доклад реалистичен в том, что касается критики экономической ситуации. Что касается общей идеологии – то он совершенно сталинистский.

Вечером того дня, когда был снят Хрущев, с Брежневым встречается бывший первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Пантелеймон Пономаренко. Пономаренко и Брежнев были поставлены Хрущевым на Казахстан в 54-м, в начале целинной эпопеи. Сначала Брежнев при Пономаренко был вторым секретарем. Пономаренко – человек Маленкова, бывшего в то время председателем Совмина.

В 55-м Хрущев смещает Маленкова, а значит, маленковский человек Пономаренко не нужен Хрущеву во главе одной из крупнейших союзных республик. Пономаренко снят с должности. Первым секретарем в Казахстане Хрущев делает Брежнева.

В 56-м Хрущев вернет Брежнева в Москву. Так вот, 14 октября 64-го года Пономаренко встречает Брежнева возле подъезда дома на Кутузовском проспекте, в котором оба живут. Пономаренко вспоминает: «Первое, что Брежнев сообщил: сегодня мы Хрущева скинули. – А кого же избрали первым? – спрашивает Пономаренко. – Представь – меня, – со смехом отвечает Брежнев».

Хрущев однажды, в 47-м, в разговоре со Сталиным упомянул о Брежневе, бывшем тогда секретарем Днепропетровского обкома. Хрущев сказал Сталину, что Брежнев покладист, старателен, услужлив.

В октябре 64-го назначение Брежнева большинство в высшем партийном руководстве воспринимает как промежуточное. Прежде всего так думает Шелепин.

Через две недели после Пленума глава КГБ Семичастный докладывает на президиуме ЦК о реакции населения на смещение Хрущева. Ни одного митинга, ни одного обращения в защиту Хрущева. И это несмотря на всю кампанию по восхвалению Хрущева, которая усиленно велась все последние годы. Брежнев не верит. Брежнев поражен, насколько в действительности население, несмотря на успехи официальной пропаганды, в массе утратило интерес к происходящему в руководстве страной. Однако короткая брежневская реакция не влечет никаких изменений в работе пропагандистской машины, направленной в первую очередь на возвеличивание первого лица. Вспоминает Николай Месяцев, в то время сотрудник аппарата ЦК: «За неделю до октябрьского Пленума завотделом административных органов ЦК Мионов сказал мне, что Хрущев будет освобожден от обязанностей».

Спрашивает, как я к этому отношусь. Говорю, что поддерживаю. Тогда, говорит Мионов, ты пойдешь на Комитет по радиовещанию и телевидению». Вскоре после Пленума посту-

пает указание о показе Брежнева и других высших руководителей в соотношении 3:1. То есть Брежнева на экране должно быть втрое больше.

Население равнодушно к Брежневу на экране. Даже женская аудитория. Для нее событием можно считать не смену руководства, а запуск многочисленных так называемых круглочулочных автоматов, которые производят чулки без шва. К 66-му году, к XXIII съезду КПСС, советские женщины наконец избавлены от необходимости постоянно оборачиваться и проверять – не съехал ли шов.

Переворот, смещение прежнего лидера, смена власти требует от людей, все это затеявших, быстрых дальнейших шагов. Они обязаны предложить населению хотя бы видимость нового идейно-политического курса. Прежний хрущевский курс, несмотря на всю противоречивость, ассоциируется с решениями двадцатого и двадцать второго съездов, осудивших культ личности Сталина. Но, во-первых, экономически при Хрущеве, осудившем Сталина, лучше не стало. Этого достаточно для возрождения мифа о Сталине. Плох Хрущев, а не Сталин. Хотя Хрущев сохранил неизменной тупиковую сталинскую экономику. Во-вторых, Хрущев – непривычно эмоционален и публичен. В массовом сознании – это минус. Сталинская загадочная монументальность – плюс. Телевидение, постоянно показывающее живого Хрущева, играет дурную шутку с массовым сознанием. То ли дело Сталин, которого только сотни видели живым на трибуне Мавзолея, тысячи в кинохронике, а большинство знало исключительно по портретам. Время кует миф о Сталине и повышает спрос на него у населения.

Это чувствуют все оказавшиеся у власти после Хрущева. В этом едины те, кто, подобно Суслову, сделал карьеру при Сталине, и более молодые, как Шелепин, поднявшиеся при Хрущеве и убравшие его. Есть и еще одно, главное, обстоятельство. Ни у старых, ни у молодых в высшем партийном руководстве нет свежих идей и готовности к реформированию страны.

И значит, назад, к Сталину.

Весной 65-го начинается подготовка доклада Брежнева к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. Группой консультантов руководит Федор Бурлацкий. Они сидят на пятом этаже в здании ЦК на Старой площади, недалеко от кабинета Брежнева. Свой вариант доклада для Брежнева пишет и Шелепин. Брежнев просит Бурлацкого ознакомиться с шелепинским текстом. Бурлацкий выполняет просьбу, приходит к Брежневу. Брежнев спрашивает: «Ну, что там за диссертацию он прислал?» Бурлацкий вспоминает: «Это была заявка на пересмотр всей политики хрущевского периода в духе откровенного неосталинизма». Это восстановление «добраго имени» Сталина. Пересмотр решений XX и XXII съездов.

Бурлацкий начинает излагать свои соображения Брежневу. Пункт за пунктом. Бурлацкий вспоминает: «И тут я, к ужасу своему, почувствовал, что Леонид Ильич не воспринимает почти ни одного слова. Я остановился, он же с подкупающей искренностью сказал:

«Мне трудно все это уловить. В общем-то, говоря откровенно, я не по этой части. Моя сильная сторона – это организация и психология».

Брежнев сказал правду. Организация и психология – действительно его сильная сторона. Долгое время после прихода к власти он начинает день с телефонных звонков. Он звонит не только членам высшего руководства. Он звонит секретарям ЦК союзных республик, секретарям обкомов. Говорит не спеша: «Вот хотел посоветоваться, узнать твое мнение». И так укрепляет свои позиции в регионах. На секретариате ЦК он не высказывается первым. Всех выслушивает. Потом предлагает доработать вопрос, согласовать со всеми, вынести на повторное обсуждение. В результате смысл решения искажается, все вязнет в согласованиях, в подписях, и затухает.

Но кадровые вопросы – его конек. Он умеет добиваться своего и умеет в этом случае первым ставить свою подпись. Так он поменяет больше половины секретарей обкомов, министров. Президент США Никсон, встречавшийся с Брежневым, в воспоминаниях напишет:

«В годы правления Брежнева в Советском Союзе сложилось нечто похожее на «новый класс».

Тех, кого он снимает, он тоже не забывает. Они не исчезают. Они получают должности рангом ниже. Или назначаются послами. Секретарь Московского горкома партии Егорычев, озвучивший в 66-м предложение избрать Брежнева Генеральным секретарем, вскоре снят с должности и отправлен послом в Данию. Его дочери Брежнев подарит квартиру.

На дипломатическую работу переведены подряд три министра сельского хозяйства (Бенедиктов, Мацкевич, Полянский).

Брежнев никогда не преследует отставленных. В этом смысле он точно не сталинист. Но вопрос о том, как быть со Сталиным, остается краеугольным для партийной верхушки все 60-е годы.

Выступление Брежнева на праздновании 20-летия Победы – первое его публичное выступление в качестве нового главы страны. Дискуссия в Президиуме ЦК по тексту доклада идет до последнего момента. Большинство разделяет позицию Шелепина и настаивает на развернутой позитивной оценке Сталина. Требуют исключить само понятие «культ личности». Никто не вспоминает о том, каким репрессиям Сталин подверг армию перед войной, о том, как страна была не готова к войне, какими страшными были 41-й и 42-й годы, какие мы понесли потери.

Суслов смыкает ряды с Шелепиным. Брежнев выбирает свой вариант. В своем докладе Брежнев только однажды произнесет имя Сталина, что политически более сдержанно, но от этого не менее эффектно. Зал разражается аплодисментами.

Однако это второй взрыв аплодисментов на торжественном заседании по случаю 20-летия Победы. Первый и более мощный произошел, когда в президиуме непосредственно вслед за Брежневым появился маршал Жуков. Жуков к этому моменту уже восемь лет как исключен из общественной жизни. Хрущев отправил его в отставку вскоре после того, как Жуков фактически обеспечил ему победы над Молотовым и Маленковым в 57-м году. Теперь, в мае 65-го, Брежнев извлекает Жукова из пенсионного забвения. При виде легендарного маршала зал поднимается и скандирует: «Жуков! Жуков!» Среди военных вскоре пойдут разговоры о возвращении маршала в армию. Об этом глава КГБ Семичастный информирует Брежнева. К этому Брежнев готов не был.

И Сталин, и Хрущев знали, что такое фактор Жукова. Они поочередно отправляли Жукова в ссылку. Либо в отдаленные округа, либо на дачу. Каждый из них боялся возможного политического влияния прославленного военачальника. Как в армейской среде, так и среди населения, мужская часть которого состоит из фронтовиков. Теперь Брежнев наследует этот страх, хотя Жуков реальных поводов никогда не давал, а теперь уже стар и нездоров. Брежнев даже после избрания Генеральным секретарем еще несколько лет не ощущает всю полноту власти. В том числе в армии. Пока первое лицо не набрало вес, маршальский блок во власти представляет собой серьезную силу. У маршалов слава героев войны. И в середине 60-х это – политический аргумент. Имя Жукова, даже старого, может усилить этот аргумент. Именно поэтому, когда в 66-м смертельно заболевает министр обороны Малиновский, у Брежнева появляется идея поставить на этот пост не профессионального военного, а секретаря ЦК Устинова, который с 41 – го года в годы войны и после войны занимает высшие посты в руководстве оборонной промышленности. Устинов – генерал-полковник с 44-го года, когда Брежнев был просто полковником. При позднем Хрущеве Устинов – первый заместитель председателя Совета Министров. Брежнев с Устиновым знаком с 47-го года.

В 66-м Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев не в состоянии одержать верх над маршалами и поставить Устинова во главе Министерства обороны. Среди высшего военного

руководства в 66-м наиболее сильна группировка во главе с маршалом Гречко. Он и становится министром.

В 70-м, спустя шесть лет после избрания Брежнева Генеральным секретарем, 52-летний Шелепин предпринимает попытку сместить его с первого поста в государстве. Шелепин все еще член Политбюро. Вместе с секретарем ЦК Сусловым и членом Политбюро и 1-м зам-предом Совмина Мазуровым Шелепин пишет так называемое «письмо трех» с резкой критикой Брежнева. Предполагается вынести это письмо на Пленум. Брежнев в курсе. Он делает упреждающий шаг. Он едет в Белоруссию на маневры, которые проводит министр обороны Гречко. Никого из членов Политбюро Брежнев с собой не берет. Брежнев проводит в Белоруссии несколько дней. Брежнев ведет консультации с Гречко. Брежнев получает поддержку военных и возвращается в Москву. Шелепин, Сулов и Мазуров о своем письме больше не вспоминают.

Отношения с армией прояснены.

После этого Брежнев резко теряет интерес к Жукову.

Весной 71-го Жукова изберут делегатом XXIV съезда партии. Накануне съезда Брежнев звонит жене Жукова на дачу. Он говорит: «Неужели маршал действительно собирается на съезд? Не стоит. Такая нагрузка при его состоянии. Часа четыре подряд вставать и садиться. Сам бы не пошел. Да необходимо. Я бы не советовал». Жена Жукова отвечает: «Но Георгий Константинович рассматривает сам факт присутствия на съезде как свою реабилитацию». Брежнев в ответ: «Тот факт, что он избран делегатом, и есть реабилитация».

Сразу после звонка появляются лечащие врачи, уговаривают Жукова не ехать на съезд, побережь здоровье. Жуков не возражает.

И Сталин, и Хрущев, и Брежнев приходили во власть по одной и той же схеме. Каждый раз партийная верхушка делала выбор в пользу наименее заметного, наименее яркого. Открытие происходит потом.

Брежнев из семьи рабочего. Из Екатеринославской губернии. Родители отдают сына в подготовительный класс гимназии. Но тут – революция. Отец во время Гражданской войны укрывает от погромов у себя в доме еврейских детей.

Гимназия превращается в трудовую школу. Брежнев будет всю жизнь писать с ошибками. В 27-м он заканчивает землеустроительный техникум. Ему 21 год. Сохранилось стихотворение, которое Брежнев пишет в этом возрасте.

Стихотворение «На смерть Воровского».

*Это было в Лозанне
Где цветут гипотропы
Где сказочно-дивные
Снятся где сны
В центре культурно-кичливой Европы
В центре красивой как сказка страны
В зале огромном стиле ампира
У входа, где плещет струистый фонтан
Собрались вопросы решать всего мира
Представители буржуазных культурных стран.*

Страсть к поэзии у Брежнева сохранится. Когда он станет Генеральным, он часто и многим будет читать Есенина. А также декадентского поэта Надсона, которого к тому времени никто не помнит. Брежнев наизусть знает поэму Мережковского «Сакья муни».

После техникума Брежнев год участвует в коллективизации на Урале. Потом возвращается в Днепродзержинск и поступает на вечернее отделение металлургического института. Вступает в партию. Парторг, председатель профкома. Секретарь парткома института.

Потом – год в армии. После армии – директор металлургического техникума. Ничто не предвещает быстрого карьерного роста. Но тут начинается Большой террор. Люди уничтожаются. Освобождаются места. В 38-м Брежнев становится заведомом советской торговли Днепропетровского обкома. А через год он уже секретарь обкома по пропаганде.

О пропагандистской работе говорит: «Ненавижу эту тряхомудию». Потом становится секретарем по оборонной промышленности. Дальше – война. Во время войны Брежнев карьеры не делает. С июля 41 – го по сентябрь 42-го – замначальника политуправления Южного фронта. В 42-м – замначальника политуправления Черноморской группы войск Закавказского фронта. Это понижение. Вероятно, это следствие страшного провала советского наступления под Харьковом. Наступления требовал Сталин, несмотря на возражения военных. В результате – в окружении, в Харьковском котле сотни тысяч советских солдат, а немцы выходят в Крым, на Кавказ и к Сталинграду. После Харькова многие понижены в должности. Может быть, это коснулось и Брежнева. Как секретарь обкома Брежнев начал войну бригадным комиссаром. В 43-м, после введения погон, он – полковник.

С 43-го – он начальник политотдела 18-й армии. В его обязанности – руководство работой партийных и комсомольских организаций, пропагандистская работа, печать, подготовка наградных документов, партийные собрания, прием в партию.

18-я армия, где Брежнев руководит политотделом в составе Северо-Кавказского фронта, принимает участие в операциях по освобождению Краснодара и Новороссийска. В частности, южнее Новороссийска высажен десант и захвачен небольшой плацдарм. Этот плацдарм будет держать оборону до начала нашего наступления на Новороссийск, которое планировалось на февраль 43-го, а началось в сентябре. Плацдарм получит название «Малая земля». Штаб 18-й армии и политотдел – на Большой земле. Брежнев несколько раз бывал на Малой земле. Брежнев на войне нормален.

Начальник штаба одной из дивизий 18-й армии и будущий диссидент Григоренко пишет о Брежневе, с которым встречался в 44-м в Карпатах:

«В армии, как вообще в жизни, каждый имеет свои обязанности. От Брежнева по его должности не требовалось бывать не только на переднем крае, но и на командном пункте армии. Место начальника политотдела – во втором эшелоне. Выезжать же в войска для встречи с личным составом следовало лишь тогда, когда люди не ведут боя. В бою начполитотдела армии может только мешать».

Григоренко встречается с Брежневым, когда 18-я армия переведена в состав 1-го, а потом 4-го Украинского фронта.

Через 30 лет на месте боев на Украине, в селе Ставище Житомирской области, поставят огромный монумент, на котором будет надпись: «Здесь в ночь с 11 на 12 декабря 1943 года начальник политотдела 18-й армии Л. И. Брежнев вел пулеметный огонь, отражая атаку противника».

В прошлом нового Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева не было ничего, что можно было бы хоть как-то использовать для раскрутки его образа, кроме периода войны. У него в прошлом не было знакомства с Лениным, как у Сталина. К Ленину, а также к Марксу Брежнев вообще был равнодушен. У него не было личных побед, как у Хрущева, который свалил Берию и замахнулся на самого Сталина. Поэтому Брежнев в личных политических целях эксплуатирует тему войны.

В 66-м, в преддверии 60-летия Брежнева, на Политбюро обсуждают: одна звезда Героя Соцтруда у Генерального есть, наградим его второй. Вспоминает член Политбюро Петр Шелест:

«Все согласились. И тут звонит Подгорный. Он председатель Президиума Верховного Совета. Подгорный говорит мне: «Ты знаешь, Брежнев просит звезду Героя Советского Союза. Ну, вот хочет, и все тут. Он уже многих уговорил».

19 декабря 66-го года Подгорный прикрепляет на грудь Брежнева звезду Героя Советского Союза. Награждение происходит на заседании Верховного Совета СССР. Все депутаты Верховного Совета встают и устраивают овацию. Так пойдет и дальше. Многолетний сотрудник аппарата ЦК знаменитый журналист Александр Бовин скажет:

«Все или почти все коммунисты в «верхах» и в «низах», все, кто способен думать, отдавали себе отчет в нелепости и постыдности происходящего. И все-таки вставали и аплодировали, аплодировали и вставали. Вот оно самое страшное, самое пугающее наследие Сталина».

1967

«Необыкновенные дни: тепло – до 15 градусов, неправдоподобно тихо, небо голубое, мощно и сладко пахнет палая листва, в аллеях сухо, и трудно поверить, что на исходе последняя неделя октября».

Это из дневника писателя Юрия Нагибина. Конец октября 1967 года. Через неделю стукнет 50 лет советской власти.

«Внимание! Внимание! Говорит Ленинград, говорит Ленинград! Слушайте о том, что было в нашем славном городе пятьдесят лет назад». Звучат фанфары. Начинается торжественное театрализованное представление, посвященное пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции.

Крейсер «Аврора» переведен к Николаевскому мосту, где он стоял в октябре 17-го. На набережных иллюминация. На перекрестках улиц – старинные афишные тумбы. На них первые декреты советской власти. На Неве бьют 50 фонтанов. Идет дождь. «Аврора» стреляет. В небо поднимается аэростат с портретом Ленина. На плавучем кране подвешено огромное солнце.

В Волгограде к 50-летию революции открывают памятник Родине-матери. В последний момент обнаруживается нехватка прожекторов для подсветки монумента. Все отправлено в Москву и Ленинград.

8 ноября 67-го в Ленинграде проходит карнавальное шествие. У Смольного горят костры. Вокруг люди изображают революционных матросов.

Из дневника писателя Юрия Нагибина, конец октября 67-го года:

«Прихожу домой и застаю Петьку в моей постели, в моих простынях, с девкой, подхваченной на улице. У нее красивая фигура, отличные ноги и асимметричное лицо: один глаз меньше другого. Девка без смущения приветствует меня и отправляется в ванную. Я иду чистить зубы, она совершенно голая стоит под душем. Она говорит, что живет со стариком Шнейдером, нигде не работает, не учится. У нее есть отчим, выселившийся из Москвы ее мать за тунеядство и проституцию. Они живут с отчимом в одной комнате. Отчим относится к ней хорошо, что не мешает ему каждую ночь приводить баб».

Из ежегодника Большой Советской Энциклопедии: «За полувековую историю КПСС показала свою великую, организующую, руководящую роль. Идя навстречу славному юбилею, рабочие, колхозники, интеллигенция с удовлетворением оглядывались на пройденный путь. Один из главных итогов полувекового развития – коренное преобразование всей духовной жизни общества на основе марксистско-ленинской идеологии». Из дневника писателя Юрия Нагибина:

«Советские люди с образцовой бережностью охраняют свой мозг и душу от всяких ранящих душу впечатлений и загадок. А может, люди впрямь устали от вечной замороченности, очередей, транспорта, пленумов, демагогии, обмана. Можно закрыть все газеты, журналы, издательства, музеи, театры, кино, оставив какой-нибудь информационный бюллетень и телевизор, чтобы рабы не слонялись без дела, гремя цепями. И, конечно, должна быть водка. Много дешевой водки».

Хозяин этой дневниковой записи Юрий Нагибин – известный писатель и автор сценариев знаковых фильмов. Он начал публиковаться еще до войны. Первый раз в «Огоньке», в номере 1-м за 40-й год. Он опытен, как все, кого публикуют в СССР. Он знает правила игры

при советской власти. Он на четыре года моложе этой власти. То есть он всю жизнь живет при советской власти, и у него нет никаких поводов думать, что эта власть скоро кончится. А он при этом литературно одарен. Он хочет и может писать. К тому же он работоспособен. Он хочет публиковаться. Власть не собирается умирать и ни пяди не уступает людям. А он не намерен в этой жизни бедствовать. И не будет. Он не хочет и не может быть ортодоксом, правоверным. У него никогда не было очарования советской властью. И к диссидентам он не может принадлежать. Он стоит особняком. Он начисто лишен иллюзий.

Его биография отражает все извивы советской истории. То есть его биологический отец, дворянин, студент, убит и сброшен в реку под лед за сочувствие крестьянам, поднявшим мощнейшее антибольшевистское, так называемое антоновское восстание в 20-м году, беспощадно подавленное армией с применением отравляющих газов. У отца Нагибина в зоне восстания было именище, и он сочувствовал землякам, которым большевики обещали дать землю, но обманули. Нагибин напишет в повести «Тьма в конце тоннеля»: «Наверное, ледок потрескивал, когда просовывали в воду тело мальчика, любившего больше жизни русского мужика». Но напишет это Нагибин в конце своей жизни. Большую часть жизни, вплоть до конца хрущевской оттепели, он считает своим отцом другого человека – Марка Яковлевича Левенталея, за которого выйдет его мать, русская женщина дворянского происхождения, лишенная национальных предрассудков. Она дает сыну отчество Маркович. В 30-е московского адвоката Левенталея арестуют и отправят в лагерь. Из воспоминаний литературоведа и театрального критика Льва Финка, который знакомится с Левенталем в Севжелдорлаге в Жешарте, в Коми: «В первый же разговор щуплый, пожилой, неподвижно лежащий человек сказал: «Вы молоды, когда-нибудь вернетесь в Москву. Разыщите моего сына, расскажите ему о моих последних днях». Он выжил в лагере и был отправлен на поселение в крохотный городок Кохму под Иваново.

Нагибин будет ездить к нему в Кохму, помогать, кормить и скрывать существование отца от московских знакомых.

В 52-м, когда отец умрет на поселении, Нагибин в дневнике напишет:

«Я должен быть отцу благодарен больше, чем любой другой сын – своему отцу, кормившему, поившему, одевавшему его. Я его кормил, поил, одевал. Но благодаря ему я узнал столько боли всех оттенков, сколько мне не причинили все остальные люди, вместе взятые. Это единственная основа моего душевного опыта. Все остальное во мне – дрянь, мелочь. Но маленькая фигурка на Кохомском шоссе, голос по телефону, слабый, словно с того света, душераздирающая печаль кохомских общественных уборных, проводы «до того телеграфного столба» и взгляд мне в спину, который я чувствовал физически, – это неизмеримо больше, чем самый лучший отец может дать сыну».

В 87-м, как только это станет возможным, Нагибин опубликует в «Юности» горестную повесть об отце под названием «Встань и иди». Нагибин о себе тех времен пишет:

«Понимаете, если ты в то время не совершал предательства, не доносил – устно, письменно, телефонно, – если нет хоть одного человека, которому ты принес хоть какое-то зло, то в конце концов ты лишь растлевал свою собственную душу, а писанина в газетах... Делал это потому, что мы иначе бы загнулись. Я мог зарабатывать только пером, у меня нет другой профессии. И на мне было три человека. Берут – хорошо, дают деньги. В какой-то момент своей жизни придерживался на том, что месяц писал о Сталинском избирательном округе. А там у меня какие-то цыгане табором приходят голосовать за Сталина с песнями-плясками, а их не пускают. Они кричат, что хотят отдать свои голоса за любимого вождя. Грузинский

летчик-инвалид приползает на обрубках. Черт-те что! В газете этот материал назвали «Выборы-52». Редактор спрашивает: «Скажи, что-нибудь из этого на самом деле было?» Я говорю: «А вы как думаете?» – «Так ведь мы же могли сесть!» Но не только не сели, а и премиальные получили. Мы писали в газетах черт знает что, а они это за чистую монету принимали».

С 42-го года, с фронта, до самой смерти Нагибин ведет дневник. Дневник предельно откровенный. И это высокого качества литература.

В 67-м, все в ту же юбилейную осень, после восьми лет жизни Нагибин расстался с Беллой Ахмадулиной. Она поэт. У оттепели был и ее голос. Сначала в дневнике он о ней говорит «она». «Она обрушилась на меня, как судьба. Я понял, что свершилось, лишь когда она запрыгала передо мной моим черным псом с мохнатой мордой; когда кофе и поджаренный хлеб оказались с привкусом ее; когда лицо ее впечаталось во все, что меня окружало. Я не удивлялся и не жалел об этом. Я жил в мире, бесконечно щедро и полно населенном одною ею».

Его тогда вызвали в Ленинград. Они уговорились, что она приедет к нему, но в последний момент поссорились. Когда поезд отошел от перрона, он запер дверь купе и начал молиться. Он вспоминает в дневнике: «Я верил в нее, в то, что она приедет, и только просил Бога проследить, чтобы случайное недоразумение не помешало ей. «Миленький Боженька, сделай, чтобы она достала билет на завтра. Миленький, любименький Боженька, сделай, чтобы она не опоздала на поезд».

О ночи, в которую он ждал ее, он напишет: «Я стал строителем. Я кропотливо, широко, нежно создавал для нее город. Мне едва хватило ночи. Я построил для нее Зимний дворец и всю набережную. Биржу и Кунсткамеру. Казанский собор и Адмиралтейство. Я так просто и сильно возвел здание Академии наук, чтобы по утрам его гладкие стены принимали на себя все солнце. Я перекинул мосты через Неву и Фонтанку, поставил ростральные колонны и Александрийский столп, ничем его не укрепив, чтобы только удивить ее. Напрасен был мой ночной труд. Город оказался мне не нужен. К чему был Медный всадник, коль она была и Петром, и конем, и змеей под его копытом. Мы предприняли последнюю попытку выйти за очерченный круг. Нас занесло в Эрмитаж. Я дурачился среди картин от радости, что впервые могу не восхищаться великими творениями. То, что шло об руку со мной, живое, теплое, смеющееся совсем детским тоненьким смехом, было настолько совершенней, чем виртуозная мазня вокруг. Матиссы и Гогены, Марке и Писарро обесцветились. Туши Рубенса отличались от туш Снейдерса лишь тем, что они не освежаваны. Ван Дейк лишился печали, Веронезе полинял.

Меня тронула лишь «Мадонна Лита». В наклоне ее головы мне почудился знакомый наклон. На миг я задержался взглядом на «Данае». Вернее, на ее руке, лежащей на подушке. Потому что так вот тянется по утрам ее рука к ночному столику за сигаретами. Я думал: Вы вернетесь ко мне, когда минет моя пора и удача».

Эрмитаж был последним нашим отвлечением.

Мы были в этом городе, чтобы любить. И мы любили с таким доверием и близостью, словно родили друг друга».

Когда в конце жизни Нагибин соберется опубликовать свой дневник, он изменит ее имя Белла на Гелла. Он пишет: «Она завершила наш восьмилетний союз криками: «Паршивая советская сволочь!» – это обо мне».

У Булгакова Гелла – прекрасная ведьма из свиты Воланда. Публикация романа в журнале «Москва» началась в ноябре 66-го и завершилась в первом номере 67-го года. Невероятная слава «Мастера» начинается в 67-м. Когда в 67-м вся Москва передает из рук в руки журналы с романом Булгакова, у Нагибина финал отношений со своей Геллой. Но не финал страсти.

«В тебе столько недостатков. Ты распутна, в 22 года за тобой тянется шлейф, как за усталой шлюхой, ты слишком много пьешь и куришь до одури, ты лишена каких-либо сдерживающих начал. Ты беспечна, надменна, физически нестыдлива, распущена в словах и жестах.

До чего же ты неразборчива! Тебе все равно, чье принимать обличье. Не смотри зелеными глазами моей матери, не лижи меня тонким Кузиным язычком, не всплывай нежными скулами со дна каждой рюмки. Раз уж ты ушла – то уйди совсем. Но ты упруго опускаешься большой красивой птицей, измазавшей о закат свое серое оперение. Не розовая, розовеющая, ты принесла на каждом крыле по клочку небесной синевы».

В 67-м они вместе еще успевают сделать литературную основу для фильма «Стюардесса». Рассказ Нагибина. Сценарий Ахмадулиной.

В октябре 67-го он пишет: «А Геллы нет, и не будет никогда, и не должно быть. Но тонкая, детская шея и бедное маленькое ухо с родинкой – как быть со всем этим? И голос незабываемый, и счастье совершенной речи, быть может, последней в нашем повальном безголосьи – как быть со всем этим?»

Худо, худо, и осень золотая и синяя, и делать с ней нечего».

Последняя жена Нагибина Алла после его смерти в интервью скажет: «Белла – совершенно гениальный человек. В дневнике Юра написал об их любви замечательные строки. Это, может быть, одна из лучших страниц прозы о любви в русской литературе. Двое красивых, талантливых, гордых встретились и полюбили – это же чудо. Я всегда уважала искренние чувства двоих».

Алла Нагибина продолжает: «Я вышла замуж за человека с прошлым. Он много раз влюблялся и женился». Она говорит: «Он не был блестящим кавалером. Он человек искреннего порыва. Настоящий мужчина: и работяга, и любовник, и охотник».

С последней женой Нагибин проживет последние 26 лет жизни. В дневнике – ее первый портрет. В рост.

«Ездил в Ленинград сложно, тяжело, пьяно, а кончил поездку трезво и нежно. И этим я обязан молодой женщине, чуть смешной и остропритягательной, рослой, с тонкой талией и тяжелыми бедрами, полными ногами и узкими руками, странно, как-то вкось разрезанными глазами и большим нежным ртом».

Они познакомились в Ленинграде. Нагибин часто ездит в Ленинград.

В 58-м был на похоронах Зоценко, с которым познакомился за полгода до этого. После сталинского проклятия Зоценко прошло 12 лет. И Сталин уже два года как развенчан на XX съезде, но панихиду по Зоценко скрыли. Нагибин пишет:

«Народу на похороны пришло не так уж мало. Если принять во внимание всеобщее охамление, равнодушие и долгую опалу Зоценко. Ленинградские писатели выглядели так, что печальное торжество напоминало похороны в богадельне. С Каменного острова из Дома ветеранов сцены приплелся старый актер с женой. У него штаны подшиты внизу сатином. Вместо галстука веревка. Лицо трупа. У гроба писатель Прокофьев затеял дискуссию о том, был ли Зоценко предателем Родины или нет. У сына Зоценко жена типичная кондукторша. Когда усаживались в головной автобус, она кричала что-то, напоминающее: «Граждане, мест свободных нет!»

В том же 58-м Нагибин в дневнике пишет: «Я долго путал свою влюбленность в Ленинград с влюбленностью в ленинградских женщин».

В 67-м ленинградская тема совсем в другом контексте. Нагибин сидит в номере «Астории». В окне – Исаакий и скверик, где во время войны у ленинградцев были огороды. Нагибин пишет:

«Когда я в Москве думаю о Ленинграде, у меня спазм тоски, физическое ощущение боли от любви к нему. Когда приезжаю, мне лень выйти на улицу. Нечто сходное происходит и во время поездок за рубеж. Я не потерял головы от счастья ни в Касабланке, ни в Афинах, ни даже в Париже. Самое ценное не

поездка, а тоска по ней, тоска по Ленинграду, Парижу и невиданной Ниагаре. Из этой тоски могут возникнуть книги».

В реальности тоска по Парижу или Ниагаре выглядит иначе:

«Меня выкинули в последний момент из списка едущих на летнюю Олимпиаду. Причина – морально неустойчив. Как же, потерял жену и посмел жить с другой бабой. Ла ведь стар я, ребята, заниматься рукоблудием! Сами бросают жен с детьми, живут с секретаршами, врут, доносят, предают, подсиживают друг друга, но пользуются всеми радостями спецпоездки. А ведь я объездил двадцать пять стран, написал на основе увиденного две книги. Каждый раз все сначала, как будто я никогда не вышагивал за рубеж. Ничего не помогает, убей меня Бог!»

И он запьет. А потом трезво напишет, что, глядишь, грядущий читатель скажет: поменьше бы шлялся по белу свету – видите ли, не может он без Люксембурга. И грош цена этим поездкам, а побольше бы рассказов писал». Но он хочет ездить. Он – не литературный чиновник. Он зарабатывает писательским трудом и платит за то, чтобы ездить куда хочет и жить, как хочет. Ради денег он пишет сценарии к фильмам. Он считает это халтурой для писателя. Он гонит эти тексты, выполняет ежедневную норму. Он так и говорит: «Болдинская осень халтуры». Он пишет совершенно откровенно:

«Ужас халтуры – это не фраза. Страшно по-настоящему. Пусто. Но стоит подумать, что бездарно, холодно, дрянно исписанные листки могут превратиться в чудесный кусок кожи на каучуке, так красиво облегающий ногу, или в кусок отличнейшей шерсти, в котором невольно начинаешь себя уважать, тогда хочется мараить много-много».

В дневнике никакого кокетства: «Сценарии к фильмам могут дать мне долгую материальную, а значит, и душевную независимость, могут дать мне чувство реванша в долгой, изнурительной борьбе, могут широко распахнуть передо мной двери мира!»

И когда в Японию не пустят – запьет. Что его не пустят, он понял заранее. И заранее начал пить. «Я уже твердо знал, что Япония мне не нужна. Я нашел свою Японию на дне рюмки – отличная, беспечная, пропащая страна! Я дошел до края, я стал чумой для близких, для всех, кто ко мне приближался. Я сломал даже замсекретаря парторганизации Союза писателей».

Парторганизация СП направила своего представителя, чтобы не оставлять беспартийного, т. е. Нагибина, в трудную минуту жизни. Нагибин пишет: «Когда Виль – имя-то какое! (Виль – это аббревиатура от Владимира Ильича Ленина). Так вот, когда Виль вспоминает о минувшем кошмаре, его больше всего смущает, что он танцевал танго и медленный фокстрот. Не то, что он запил, лез к моей жене и был вышвырнут ею, не то, что спал у всех на глазах с проституткой, не то, что весь поселок оказался свидетелем его разложения, а то, что он танцевал западные танцы.

– Я же никогда не танцую, – смущенно говорил он мне, видимо, все остальное ему привычно.

За эту поездку замсекретаря парткома СП получит благодарность парткома и райкома: мол, твердой и теплой партийной рукой направил беспартийного на путь истинный».

Любой партком, в том числе партком Союза писателей, знает, что такое поездка за границу.

Поездка за границу для советского человека – предел возможного благополучия, жизненной удачи. Это переход в другую, особую, немногочисленную касту. Это знак государственного доверия. Это немного опасно, это все еще поход в логово врага. В 67-м году в фильме «Три тополя на Плющихе» героиня Дорониной совершенно безыскусно подтверждает это.

Для интеллигенции поездка за границу – это несомненные впечатления, возможность посмотреть мир, но этому всегда сопутствует материальное. Советская власть не способна обеспечить население товарами и продуктами.

Нагибин в дневнике напишет:

«Уже точно известно, что по таинственным причинам хлеб не растет в странах, лишенных гражданских свобод, а коровы не дают молока. Поэтому со временем, чтобы не сдохнуть с голоду, придется выделить несколько преуспевающих стран и сделать их житницей для тех, кто хочет проводить у себя социальные эксперименты. Но в странах-житницах надо непременно оставить буржуазные свободы: многопартийную систему, выборы и прочее. Зато у тех, кто хочет идти другим путем, положится предел тому, что, в сущности, давно не нужно: не будет ни литературы, ни свободы мысли, ни свободы слова. Так ведь без них проще. Зато останутся спорт, телевидение, кино, пьянство и мочеполовая жизнь. Будут запрещены все формы протеста, несогласия с правительственными мерами, не будет ни правых, ни левых – будет однородная масса дисциплинированных обитателей единого муравейника. Воцарится порядок».

Не производя необходимое и качественное, советская власть к своему 50-летию уже выработала у людей повышенный интерес к бараклу. Поездка за границу – это всегда шанс вступить в обладание вещами, которые по возвращении будут выделять из общей массы, будут повышать социальный статус. В 68-м Нагибин в дневнике пишет:

«Я помню, когда мы уезжали из Гренобля, наши журналисты в гостинице с корнем вырвали выключатели, итепсели, отвинчивали дверные ручки, розетки, замки. До этого они обчистили столовую, не оставив там ни солонки, ни перечницы, ни соусницы, ни бумажной салфетки».

Нагибин, когда пишет о Гренобле, имеет в виду поездку на зимнюю Олимпиаду 68-го года. Это первая Олимпиада, которую у нас обладатели цветных телевизоров могли увидеть в цвете. Цветное вещание в СССР началось 1 октября 67-го. Тогда же начинается продажа цветных телевизоров. Парад к 50-летию Октября впервые показывают в цвете.

В октябре 67-го Нагибин в дневнике пишет: «Продвигаюсь к своему пятидесятилетию. Болит, ноет нога. Гноится предстательная железа, обещая мне ужас районной больницы, серое белье, халатик до пупа и арестантские портки, жидкую ячневую кашу, вонь палаты, неквалифицированных легкомысленных врачей, вокзальную тоску».

У Нагибина в дневнике много больниц. Много смертей. Он так и пишет: «Вообще многие умерли. Животные умирают, как люди».

«Вот и кончилась долгая Фенькина жизнь. 15 лет назад ее принесли крохотным черным комочком. Наш спаниель не принял котенка. Мы велели домработнице Даше вернуть его хозяевам. Ей было лень. И она просто вышвырнула его за калитку. Мы уезжали куда-то в тот вечер. Пес, провожавший нас, вдруг стал раскапывать сугроб. В снежной могилке лежал котенок. Он никуда не пошел. Вырыл себе ямку и стал ждать. И дождался.

Мы покрыли Дашу матом и взяли котенка домой. У кошки Феньки была долгая бурная жизнь. С котами, котятами, выкормленным ею бельчонком. С любовью и уважением дома. Потом у нее был рак. Она почти все время спала в кресле и на нашей кровати, оставляя несмываемые следы. До самой смерти мордочка у нее оставалась выразительной, умной, необыкновенно милой. У меня такое чувство, будто сегодня завершилась чья-то долгая, достойная и полезная жизнь».

Люди у него в больницах умирают страшнее Феньки. «В коридоре, забитом больными, положили женщину с отеком мозга. Она была без сознания, голова почти с черным лицом

закинута за подушку. Одеяло сползло с нее, она лежала нагая с белой прекрасной грудью, округлым животом. Это скульптурно прекрасное тело дико контрастировало с мертвой головой». Никому до нее нет дела. Это в 69-м году. И в 71-м у Нагибина больница, когда болеет его мать. В дневнике напишет: «Стоя в уборной на коленях, я благодарил Бога за избавление». И в 83-м – больница:

«С приходом нового главврача атмосфера стала куда хуже. Он помешан на двух вещах: охране и окраске скамеечки в ярко-зеленый цвет. Типичный советский администратор, тяготеющий к террору и мелким переделкам. Он разогнал лучших работников и замазюкал непросыхающей краской все скамейки, так что сесть стало негде, и усилил охрану. Каждый, кто причастен хоть к малюсенькой власти, думает лишь о том, что бы еще запретить».

К Нагибину по делу в эту больницу приезжает Наталья Бондарчук. Ее не пускают. Лично главный врач и начальник охраны. Документы, объяснения, ссылки на великого отца – ничто не помогает. Нагибин просто вырывает ее из рук охраны. Наталья Бондарчук приехала подписать с Нагибиным договор на сценарий к фильму про олененка Бэмби.

У Нагибина в прошлом полно написанных им сценариев. Особняком стоит фильм «Председатель». Сценарий Нагибин пишет по собственной повести «Страницы жизни Трубникова». Повесть о послевоенной деревне. Михаилу Ульянову есть что играть. Картину кромсают и пускают по клубам.

Писатель Виктор Астафьев вспоминает: «Недавно бригадир из нашего села сообщил, что в клубе при демонстрации фильма «Председатель» к концу сеанса осталось два человека. Люди плюясь уходили из клуба и говорили, что им все это и у себя видеть надоело, а тут еще и в кино показывают».

Наконец назначают день премьеры в кинотеатре «Россия». Но прямо в день премьеры опять запрещают. Нагибин пишет: «Мы выступали перед зрителями в кинотеатре «Россия», а по всей Москве сдирали афиши с лицом Ульянова». В конце концов картину разрешат и она пройдет с невероятным успехом. Нагибин в дневнике напишет:

«Ее просмотрели буквально все взрослые люди, ибо детям до шестнадцати лет на картину вход был запрещен. Почему? В картине нет никакой эротики, но есть правда о прошлом, да и только ли о прошлом? – а это нестрашнее альковных соблазнов. Правда приравнивается к порнографии».

Но в 66-м «Председатель» удостоится Ленинской премии. Ульянов вспоминает: «Премии мне присудили с перевесом в один голос. Это была политическая схватка». Нагибин к Ленинской премии не представлен. Он крайне раздосадован и не скрывает этого в дневнике: «Раздражает вечная неполнота успеха. Даже беспримерный по треску, шуму, ажиотажу «Председатель» обернулся полнотой удачи лишь для Ульянова». Потом напишет: «Но одно все же состоялось: я связал свое имя с лучшей послевоенной картиной. Теперь история советского кино читается так: от «Броненосца «Потемкина» до «Председателя», – это все-таки кое-что».

На главную роль в фильме «Председатель» первоначально пробовался Урбанский. Но сниматься Урбанский будет в другом фильме того же режиссера, Салтыкова, по другому сценарию Нагибина. Это фильм «Директор». Нагибин предлагает новый сценарий «Мосфильму» сразу после успеха «Председателя». Нагибин в сценарной заявке совершенно откровенно говорит, что в последние годы войны вошел в семью директора завода имени Сталина Ивана Лихачева, женившись на его дочери. Завод впоследствии получит имя Лихачева. Так вот Нагибин в сценарной заявке говорит, что у Лихачева – яркая биография: он революционный матрос, чекист, выдвигенец, директор огромного предприятия. Его жизнь – готовый сценарий. В глав-

ной роли – Урбанский. На съемках «Директора» он погибнет. Фильм по сценарию Нагибина о директоре Лихачеве будет снят впоследствии с другими актерами. Три с лишним десятилетия спустя Нагибин вернется к своей жизни в доме директора Лихачева, и тогда напишет повесть «Моя золотая теща». Нагибину, когда он пишет эту повесть, – 70. Можно считать это острое чувственное воспоминание одним из отражений старости. А можно – гимном всепобеждающей страсти. Повесть выйдет почти перед смертью Нагибина, и это значит, что он до конца не изменяет себе.

В середине XIX века Тургенев считал свои «Записки охотника» произведением антикрепостническим. Заядлый охотник Нагибин продолжает тургеневскую линию. Его охотничьи дневниковые записи имеют ту же антикрепостническую направленность. Весна 67-го года. Лесничество в полусотне километров от Бежецка. Из дневника: «Семью лесника составляли небольшие красивые люди: муж, жена, мать жены, семилетняя дочь и полуторагодовалик. Они были похожи на последних представителей какого-то вымершего племени. Все низенькие, стройные, с маленькими руками и ногами, золотоволосые, с нежной, слабо загорелой кожей. Правда, младенец, показавшийся сначала таким цветущим и сдобным, на поверку вышел чуть ли не кретином: он не стоит, не ходит, только ползает, не умеет в полтора года жевать, принимает лишь полужидкую пищу. Мать и отец холодны к нему. Он состоит на попечении бабки. Она его кормит, поит, играет с ним. Игра состоит в том, что младенец роняет с печи облезлый сдувшийся мячик, а бабка подбирает и сует ему в руки.

Теперь я понимаю, что и с девочкой, грациозной, прелестной, тоже не все благополучно. Если она чего-то хочет, а ей не дают, она начинает трястись от гнева, ляскать зубами, холодеть в конечностях.

Хозяин дома – тихий, безответный человек. Он пошел на трудную работу в лесу ради того, чтобы получить паспорт, документ, выводящий из крепости».

Поясню: к 67-му году, к 50-летию советской власти, колхозники в массе своей не имеют паспортов и из колхоза уйти не могут. Нагибин продолжает свои охотничьи впечатления: «Дом лесника – типовой, утвержденный многими инстанциями. Стены щелястые. Протопить его невозможно. Зимой, ложась спать, напяливают на себя валенки, рукавицы, повязывают головы шерстяными платками. Прошлом лето ужасно докучали медведи. «Прутся гуськом, дьяволы косопалые, – рассказывала хозяйка. – Я раз не выдержала, схватила палку и давай медведя по заднице лупить. Оглянулся, ногой дернул да пошел вразвалочку со двора».

Но хозяин обязан еще сезон отработать здесь за паспорт. У них есть дом в деревне, с огородом, мебелью. Но чтобы жить в этом доме, надо опять стать колхозниками. И лучше перетерпеть стужу, одиночество, медведей, отсутствие медицинской помощи, но чувствовать себя полноправными гражданами. В колхозе им жилось сытнее: хозяин работал шофером, жена его заведовала сельпо. А они все бросили ради паспорта, который означает свободу. В этом проглядывает нечто, что лет этак через пятьсот может дать всходы».

В это время, в начале 67-го года, пристальное внимание власти привлекает история народа пятисотлетней давности. Режут фильм Тарковского «Андрей Рублев». В январе 67-го фильм показан в Доме кино, что дает возможность для публичной травли. Правки требуют по всем направлениям; открыто и подтекстом. Концепция фильма ошибочна и порочна. Не следует подчеркивать жестокость власти, не стоит говорить о связке власть – художник, не надо о свободе художника. В ситуации вокруг «Андрея Рублева» партийные критики находят поддержку со стороны так называемых почвенников, крыло которых поднимается в это время в среде советской интеллигенции. Обнаженная историческая правда в исполнении блестящих актеров немедленно порождает выводы об унижении русского народа, об антинародности фильма Тарковского.

На самом деле главное, несомненно, в том, что фильм Тарковского просто настолько мощен, рельефен и исторически откровенен, что его просто трудно проглотить и переварить.

Ни дистиллированный сталинский кинематограф, ни лирическое оттепельное кино не могли подготовить зрителя и даже профессионалов к шоку от Тарковского. 7 февраля 67-го года Тарковский пишет письмо председателю Комитета по делам кинематографии Романову: «Список поправок делает картину бессмысленной. Вы понимаете, конечно, что я не могу пойти на эти чудовищные безграмотные требования и убить картину».

В 67-м на магнитофонах «Комета» и «Яуза» вовсю слушают песни Галича. Нагибин знаком с Галичем с 43-го года. Общий приятель познакомил их на улице. Галич в то время играет в театре-студии под руководством знаменитого впоследствии драматурга Арбузова. Во время их первой встречи говорят о театре. Нагибин спрашивает Галича о Гердте, который ушел на фронт из арбузовской студии. В оттепель голос Гердта услышат за кадром в фильме «Девять дней одного года». А в 67-м он снимается в «Золотом теленке», фантастически играет Паниковского.

Галич в их первую встречу с Нагибиным расспрашивает о бывшем арбузовском студенте и поэте Багрицком. Багрицкий погиб на Волховском фронте почти на глазах у Нагибина. Галич с Нагибиным в ту встречу обмениваются телефонами.

Нагибин о Галиче: «Саша произвел на меня сильнейшее впечатление. Вот кто умел носить вещи! Я несколько раз ловился на этом. Встречаю Сашу на улице в новом неземном костюме. «Где шил? На луне?» – «В литфондовском ателье. У Шафрана». Шафран шьет мне отличный костюм, но вполне земной, не с луны. Шьет Саше – с луны. Дело не в Шафране, а в том, что каждая вещь на Саше живет, а не сидит. Он населяет ее своим изяществом и шармом».

В сталинские послевоенные годы он уже сочинял песни, но в этом не было и намек на будущее. Он сочинял для эстрады и цирка. Он делал, что требовалось, если нельзя выжить иначе, но не растрчивал ни грамма личности. Он торговал на Тишинке на барахолке. Среди пожилых интеллигентных женщин, кружев, вееров, страусовых перьев, в этом блоковском наборе Галич стоял, округлив руку, через которую была переброшена дамская фисташковая комбинация. Нагибин увидит его таким на Тишинке. «Ха-ха», – скажет Галич, увидев его. Потом он будет писать пьесы и сценарии. «Вас вызывает Таймыр» пойдет с успехом в Театре Сатиры. Потом по всей стране. Галич стал известен. И деньги появились. А потом и Сталин умер.

Про весну и лето 53-го, во многом связанные для него с Галичем, Нагибин напишет:

«В висок пронзительно и волнующе стучало: «Сталин сдох! Сталин сдох!»

И вот, когда в разгаре будет оттепель, когда Галич будет внешне успешен и обеспечен, его прорвет песнями.

А Нагибин любил Окуджаву. Нагибин скажет: Саша знал, что делает главное дело своей жизни, и дело опасное, которое может сломать ему судьбу, ему нужно было союзничество и понимание, а я не мог ему этого дать. Я был в плену у Окуджавы, Сашины песни мне не нравились. Для меня Окуджава больше сказал о проклятом времени загадочной песней про черного кота, который в усы усмешку прячет, чем Галич с его сарказмом и разоблачением. Я любил Окуджаву, потому что он говорил, что в глухом существовании выжила нежность, что мы остались людьми. А успешного Галича, неожиданно запевшего от лица лагерников, ссыльных, доходяг и работяг, выгонят из страны. А изгнание для него будет означать смерть. Нагибину из Франции Галич писать не будет.

Нагибин продолжает вести дневник. «Я стал неконтактен. Я никак не могу настроить себя на волну крошечной государственной лжи. Я близок к умопомешательству от газетной вони и почти плачу, случайно услышав радио и наткнувшись на гадкую рожу телеобозревателя. Я впервые не могу писать. Мне противно писать нейтральные вещи, когда нужны трубы Иерихонские». Он продолжает:

«Сегодня ездил на Троицкую фабрику за квасным экстрактом. Впечатление сильное. Что за люди, что за лица, что за быт.

Все пьяны. И старики, и женщины, и дети. А потом мне всплыло на ум: а ведь кругом довольные люди. Они не обременены работой, у них два выходных в неделю, куча всяких праздников, водки всегда навалом, хлеба и картошки хватает. Они ходят выбирать, могут послать жалобу в газету и донос куда следует. Они счастливы. Все на самом деле творится по их воле, по воле большинства, причем большинства подавляющего».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.